

ПРИЗРАЧНЫЙ ЛУК

Валерий Стрижов
ПРИЗРАЧНЫЙ ЛУК

«Автор»

2026

Стрижов В.

ПРИЗРАЧНЫЙ ЛУК / В. Стрижов — «Автор», 2026

Старый добрый Stiks. Призрачный лук хорошая вещь стрелять, хоть стрелами, магическими сгустками энергии.

© Стрижов В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Стрижов

ПРИЗРАЧНЫЙ ЛУК

Призрачный лук

Книга первая: Падальщик

Пролог

Я умер в поезде, следовавшем из Москвы в Волгоград, и воскрес в Стиксе с красной жемчужиной в кулаке и запахом чужой крови в ноздрях.

Туман пришел неожиданно — зеленоватый, кислый, липкий. Он просочился сквозь задраенные окна плацкартного вагона, словно стены были не более чем решетом. Люди падали в обморок один за другим, я успел заметить старуху с вязанием, ткнувшуюся спицами в собственную шею, и молодого парня в военной форме, который пытался прикладом автомата разбить стекло — но туман уже был внутри, и стекло не имело значения.

Я потерял сознание последним. Или мне так показалось.

Очнулся на перроне незнакомой станции. Вокзал напоминал декорации к фильму о конце света — облупившаяся штукатурка, покосившиеся фонари, отсутствие каких-либо табличек с названиями. Люди бродили как сомнамбулы, кто-то плакал, кто-то кричал, требуя объяснений. Никто не знал, где мы находимся. Никто не знал, что делать дальше.

Я был инженером. Строил мосты. Проектировал переходы через реки и ущелья, рассчитывал нагрузки, распределял напряжения. В нормальной жизни я понимал, на чем стоит мир — на бетонных опорах, стальных фермах, гранитных быках. В Стиксе мир стоял на костях.

Первые три дня я просто выживал. Прятался от тварей, которые выли в темноте и высасывали из людей жизнь одним прикосновением. Пил воду из луж и жевал заплесневелые сухари, найденные в брошенном магазине. На четвертый день нашел труп — мужчина в разодранной броне, с вырванным горлом. В его руке был зажат красный шарик, похожий на шероховатую жемчужину. Я не знал, что это такое, но забрал. Инстинкт падальщика проснулся во мне раньше, чем разум.

На пятый день жемчужина согрела ладонь и сама впиталась в кожу.

Боль, пришедшая следом, стерла из памяти все, что я знал о страдании. Мне казалось, что кости мои ломаются и срastaются заново, что мышцы раздирают изнутри тысячи крошечных клинков, что мозг плавится и вытекает через уши. Я корчился в углу полуразрушенного дома, пока мимо брели твари, не обращая на меня внимания — я был для них не живым и не мертвым. Я был чем-то между.

Когда агония закончилась, я открыл глаза и увидел нити.

Глава первая. Охотник за жемчугом

Нити связывали все.

Я понял это не сразу. Сначала мне казалось, что я просто сошел с ума — после той боли трудно было рассчитывать на ясность рассудка. Но дни шли, голод мучил меня, а нити не исчезали. Они опутывали стены, мебель, тела мертвых зверей и еще более мертвых мутантов. Тонкие, как паутина, едва заметные на свету, они пульсировали слабым свечением — где-то золотым, где-то багровым, где-то мертвенно-зеленым, как тот туман, что принес меня в этот мир.

Я трогал их — нити сгибались, но не рвались. Я пытался перерезать ножом — лезвие проходило сквозь, не встречая сопротивления. Я не понимал, что это такое, но чувствовал: они важны. В них заключена структура этого мира. Его архитектура.

Строитель в Стиксе — не тот, кто возводит стены. Тот, кто понимает, как держится мир, не имеющий ни фундамента, ни опор.

Я выжил еще неделю. Научился видеть нити даже сквозь закрытые веки. Научился определять по их натяжению, есть ли поблизости живая душа — мутант, человек или то, что уже нельзя назвать ни тем, ни другим. Научился двигаться так, чтобы нити не задевать, потому что каждый раз, когда я касался их, во мне отзывалось эхо чужой боли.

Их боли. Тех, кто создал этот мир.

Потом я встретил людей.

Они называли себя рейдерами. Четверо мужчин и одна женщина, вооруженные до зубов, в бронежилетах и тактических шлемах. Они вышли из-за угла разрушенного универмага, когда я копался в грудe мусора в поисках консервов. На меня наставили стволы, велели лечь на землю, не дергаться, назвать имя.

— Артем, — сказал я, уткнувшись носом в пыль. — Инженер. Попал три недели назад.

— Инженер, — хмыкнул их командир, коренастый мужчина с седой щетиной и холодными глазами. — Тут все были инженерами. Или менеджерами. Или программистами. В Стиксе профессия одна — жрать, чтобы не сдохнуть, и не сдохнуть, чтобы жрать.

Они обыскали меня, нашли нож, зажигалку, флягу с водой и больше ничего. Удивились, что я один — в этом кластере новички не жили дольше трех дней. Еще больше удивились, когда я сказал, что убил двоих мутантов — тех, что ползали на брюхе и пускали слюни, пытаясь добраться до человеческой плоти.

— Чем? — спросила женщина. Ее звали Ласка, и она смотрела на меня так, будто изучала насекомое перед тем, как раздавить.

— Арматурой. Нашел кусок, заточил о край бетонной плиты. Первому пробил череп, второму — горло.

Ласка переглянулась с командиром. Тот пожал плечами.

— Может, и сгодится. Новички дешевы. Жемчуг при нем?

— Нет.

— Проверь еще раз.

Обыскали тщательнее, заставили раздеться догола. Нашли родимое пятно на левой ягодице и шрам от аппендицита. И больше ничего.

— Не врет, — сказала Ласка. — Ни жемчуга, ни гороха, ни спор. Голодранец.

Командир долго смотрел на меня. Потом бросил:

— Иди за нами. Отстанешь — стреляем. Понял?

Я кивнул. У меня не было выбора.

Их лагерь находился в полукилометре, в подвале трехэтажного дома с сохранившейся крышей и даже частично уцелевшими окнами. Там было еще четверо — двое мужчин и две женщины, все вооруженные, все с пустыми, выжженными глазами. Они не задавали вопросов, когда командир ввел меня в подвал. Только один, лысый верзила с татуировкой дракона на шее, процедил сквозь зубы:

— Еще один рот.

— Заткнись, Шрам, — командир бросил на него тяжелый взгляд. — Будет работать. Отработает жратву. А если нет — скормим кусачам.

Они дали мне миску баланды — жидкой кашицы из риса и консервов, разогретой на костре. Я съел за минуту, обжег горло, не почувствовал вкуса. Потом спросил:

— Кусачи — это те, кто ползает? С серой кожей и без глаз?

— Зрячих нет, — усмехнулся Шрам. — У кусачей глаз нет вообще. Это низшая ступень. Бывают еще бегуны — быстрые, сука, твари, на четвереньках передвигаются. Прыгуны — те вообще с крыш сигают. И жрачи — жирные уроды, которые сожрут все, что движется, включая бетон, если голодные.

— А выше?

Командир, которого называли Доком (хотя врачом он не был — просто умел зашивать раны и отличал заражение от простуды), помолчал, прежде чем ответить:

— В нашем кластере выше жрачей не водится. К северу от реки — там другие территории. Рубер один шастает, здоровый как бык, броня в палец толщиной. Еще дальше — скреббер.

— Скреббер?

— Сам не видел. Слышал. Говорят, размером с трейлер, броня — метр как минимум. Ленивый, как сытый удав, но если проснется — сносит квартал за раз. У нас в отряде никто с таким не встречался. И не хочет.

Я кивнул, запоминая. В моей голове уже складывалась карта — нити, связывающие этих тварей с местностью, с их жертвами, с самой тканью Стикса. Я не понимал еще, как это работает, но чувствовал: если я научусь читать нити правильно, я смогу видеть мутантов до того, как они увидят меня. Смогу предсказывать их передвижения. Смогу понять, где они родятся, и где умрут.

Док велел мне дежурить ночью. Даже новичков в Стиксе не оставляют без дела — каждый обязан отдавать свой труд, свои мышцы, свою кровь. Я сидел у входа в подвал, сжимая в руках ржавый обрез, и смотрел в темноту. Смотрел не глазами.

Я видел нити.

Они тянулись от меня к людям в подвале — тонкие, серебристые, едва заметные. Они тянулись к домам напротив, к асфальту, к заросшему бурьяном пустырю за ними. А еще — к чему-то движущемуся на юго-востоке. Большому. Горячему. Окутанному багровым сиянием.

Скреббер? — подумал я. *Или кто попроще?*

Нити не давали ответа. Только пульсировали в такт чужому сердцебиению.

Я просидел так до рассвета, вглядываясь в структуру мира, которую, казалось, никто больше не видел. А когда небо над Стиксом посерело — здесь никогда не бывало яркого солнца, только мутный, болезненный полумрак — я понял одну вещь.

Я не просто выживал. Я готовился к охоте.

Глава вторая. Колдовство крови

Док объяснил мне про жемчуг на третий день.

— Есть три вида, — сказал он, когда мы чистили оружие после небольшой стычки с выводком бегунов. — Красный, белый и черный. Красный дает умения — у кого-то сенсорика просыпается, у кого-то скорость, у кого-то зрение как у ястреба. Белый усиливает уже существующий дар, доводит до предела. Черный... черный едят только отморозки или отчаянные. Он дает силу, но жрет душу.

— А горох? Споры?

— Горох — это малая жемчужина. Тысяча горошин — одна красная жемчужина. Споры — это валюта, на них покупают все. Жемчуг — это оружие. Белый жемчуг — оружие массового поражения. — Док помолчал, потом добавил: — Я знаю одного сталкера, который нашел белый жемчуг в теле рубера. Съел. Через месяц ходить не мог, потому что ноги превратились в щупальца. Еще через месяц его пришлось пристрелить — мутировал окончательно.

— Так зачем его есть?

— Ради силы, — усмехнулся Док. — В этом мире все держится на силе. Жемчуг дает силу. А силу дают жемчуг.

Он не знал, что я уже съел красный. И не знал, что после этого я вижу нити.

Ласка догадалась первой.

Она подошла ко мне на пятый день, когда я сидел у окна и следил за пустынной улицей.

Сказала:

— Ты смотришь не туда, куда надо.

— Я смотрю туда, где есть опасность.

— Откуда ты знаешь?

Я промолчал. Ласка присела рядом, положила автомат на колени. Женщина была невысокой, жилистой, с короткой стрижкой и татуировкой ворона на шее. Ее руки были покрыты шрамами — некоторые старые, почти белые, некоторые свежие, еще розовые. Она не боялась боли. Такие в Стиксе либо живут долго, либо умирают страшно.

— Я сенсорика, — сказала она. — Вижу живых в радиусе ста метров. А ты видишь что-то другое. Я заметила, как ты смотришь сквозь стены. Как будто видишь каркас здания, а не обои.

— Я инженер, — ответил я. — Я всегда смотрю на конструкцию.

Ласка покачала головой:

— Инженеры в Стиксе не нужны. Здесь строят из того, что найдут, а не из того, что спроектируют. Колдуны нужны.

— Какие колдуны?

— Знахари. Те, кто умеют работать с жемчугом. Вытаскивать его из тел, очищать, вживлять в других. Те, кто могут видеть структуру... — она запнулась, подбирая слово, — *внутренностей*. Грибницу, которая заменяет нам кровь и кости.

Я не ответил. Но в ту ночь, когда отряд спал, я закрыл глаза и попытался увидеть собственное тело.

И увидел.

Под кожей, вместо вен и артерий, пульсировали нити. Тысячи, миллионы нитей — белых, золотых, багровых, — сплетенных в сложную, невообразимо красивую структуру. В центре, в районе солнечного сплетения, висел сгусток света — красная жемчужина, которую я всосал в себя на пятый день. Она вращалась медленно, от нее отходили нити к каждому органу, к каждой мышце, к каждому нервному окончанию.

Я был не человеком. Я был колонией грибницы, которая приняла форму человека.

Я был мертвецом, который не знал, что умер.

Рука, сжимавшая край одеяла, дрожала. Я сдерживал панику, как мог. Стикс уже научил меня — нельзя терять контроль. Паника привлекает мутантов. Паника убивает быстрее, чем голод.

Нити внутри меня отозвались на мою тревогу. Они засветились ярче, задвигались быстрее. И тогда я понял — я могу управлять ими. Не так, как знахари, которые лечат раны и вживляют жемчуг. По-другому. Я могу переплести нити, соединять их, разрывать.

Я могу строить.

Из нитей.

Из самого каркаса Стикса.

Я просидел в трансе до утра, экспериментируя. Соединил две нити в районе предплечья — кожа над этим местом затвердела, стала жесткой, как пластик. Разорвал пучок нитей в левом боку — боль пронзила такая, что я закусил губу до крови, но через минуту нити сплелись заново, и боль ушла.

Я мог менять себя. Мог делать кожу тверже, мышцы сильнее, кости прочнее. Мог ускорять регенерацию — достаточно было стянуть разорванные нити, и рана затягивалась за секунды. Мог притуплять боль — просто ослабив сигнал от поврежденных участков к "мозгу" (но был ли у меня мозг в привычном понимании? Или вместо него — клубок нитей, создающих иллюзию сознания?).

Утром Док посмотрел на меня и спросил:

— Ты спал вообще?

— Нет.

— Глаза красные. Съел что-то не то?

— Не волнуйся, командир. Я в порядке.

Он не поверил, но отстал. Ласка же внимательно наблюдала за мной весь день, и вечером, когда мы остались вдвоем у входа в подвал, сказала:

— Ты колдун. Такой же, как Понч в стабе на востоке. Только он лечит, а ты... Ты что делаешь, Артем?

— Я строю, Ласка. Я строю себя заново.

— Зачем?

Я посмотрел на нити, тянущиеся к горизонту. Там, на юго-востоке, багровое свечение усилилось. Скреббер проснулся. Я чувствовал его — огромного, ленивого, смертоносного. Он не был угрозой для нашего кластера — слишком далеко. Но однажды...

— Чтобы стать достаточно сильным, — сказал я. — Чтобы однажды убить то, что нельзя убить.

Ласка засмеялась. Сухо, невесело.

— Ты новичок, Артем. Месяца нет в Стиксе. А уже хочешь убить монстра, которого старые рейдеры обходят за три квартала. Это либо храбрость, либо...

— Глупость, — закончил я. — Знаю. Но посмотри на меня, Ласка. Я инженер. Я строил мосты. Мне всегда говорили: "это невозможно", "это не выдержит", "это рухнет". А я брал и строил. И мосты стояли. Стоят до сих пор, наверное. Даже без меня.

— А здесь нет правил, — она покачала головой. — Здесь не работает твоя математика. Здесь работает только... только то, что нельзя назвать. Колдовство. Магия. Дар.

— Это просто другая физика, — возразил я. — Другие законы. Но они есть. Я вижу их, Ласка. Я вижу связи. Если я пойму, как они работают, я смогу переписать их.

— Переписать законы Стикса? — Она смотрела на меня как на сумасшедшего. Может, так оно и было.

— Если не получится переписать, — сказал я, — я их сломаю.

Ласка ушла, не ответив. А я остался сидеть у входа, вглядываясь в багровое свечение на горизонте, и учился видеть мир не глазами — нитями.

В ту ночь я сделал первый шаг к тому, чтобы стать охотником.

Глава третья. Призрачный лук

Через две недели отряд пошел в рейд.

Цель — заброшенный склад на окраине соседнего кластера. По слухам, там засел жрач — жирная, медлительная тварь, но при этом смертельно опасная, если подойти слишком близко. Док планировал обойти склад по периметру, выманить монстра, расстрелять из гранатомета, а потом забрать все, что останется от его запасов. Жрачи — единственные мутанты, которые не убивают все живое ради удовольствия, а накапливают припасы, как хомяки. В их убежищах часто находят оружие, консервы, даже драгоценности — все, что эти твари сгребли в свою пасть по ошибке.

Я шел в авангарде вместе с Лаской и Шрамом. Оружия у меня не было — Док не доверял мне автомат. Только нож, заточенный кусок арматуры и мои нити.

— Ты хоть стрелять умеешь? — спросил Шрам, когда мы выдвигались.

— Из арматуры — нет, — ответил я. — Но могу ткнуть.

— Засунь свою арматуру в задницу, умник. Если начнется заваруха, не жди, что я тебя прикрою.

— Не буду.

Ласка шла молча. Я знал, что она сканирует пространство своей сенсорикой, выискивая живые души. Я делал то же самое — своими нитями. Мы почти не мешали друг другу, только иногда я видел то, чего не замечала она: слабые пульсации в земле, в стенах, в воздухе. Нити вибрировали там, где рядом проходил мутант, даже если сам мутант уже ушел.

— Остановись, — сказал я, когда мы подошли к складу.

Шрам обернулся, злой:

— Чего?

— Там тварь. Не жрач. Кто-то еще.

Ласка прищурилась, закрыла глаза. Молчала долго, почти минуту. Потом открыла и сказала:

— Не вижу.

— А я вижу. — Я указал на стену склада — точнее, на нити, которые пульсировали багровым, неестественным светом. — Там кто-то есть. Не живой. Не мертвый. Что-то среднее.

— Зомби, — выдохнул Шрам. — Твою ж мать, зомби.

— Вы видели зомби? — удивился я.

— Видели, — хмуро ответила Ласка. — Редкая дрянь. Появляются, когда иммунный съедает слишком много черного жемчуга. Превращается в... в нечто. Не человек, не мутант. Может управлять чужими нитями. Подчинять себе других зараженных.

— Как колдун?

— Как некромант, — поправил Шрам и сплюнул. — Только без магии, без заклинаний, без всей этой фэнтезийной херни. Просто тварь, которая забирает себе чужую волю.

Я смотрел на багровые пульсации. Они усиливались. Тварь внутри склада знала, что мы здесь. Может быть, даже видела нас — глазами, которых у нее не было. Или нитями, как я.

— Что делаем? — спросил я.

Док, подошедший тем временем, оценил обстановку и принял решение:

— Отходим. Жрач подождет. Зомби — это не наш уровень.

— А если он последует за нами? — спросила Ласка.

— Уйдем в другой кластер. Затрем следы. У него не бесконечный радиус.

Я слушал их переговоры и чувствовал, как внутри меня ворочается что-то темное. Нити в моем теле начали двигаться быстрее, перестраиваясь. Я не отдавал им приказов — они действовали сами. Словно в моем теле жил кто-то еще, кто знал, что делать.

Словно тот, кто съел черный жемчуг, — подумал я с холодком. *Словно зомби.*

— Или мы можем попробовать, — сказал я вслух.

Все обернулись.

— Что попробовать? — Док сощурился.

— Убить его. Издалека.

— Чем? У тебя даже рогатки нет.

— У меня есть... кое-что.

Я не знал, как это объяснить. Я не знал даже, работает ли это. Но нити внутри меня уже сплелись в сложную структуру, напоминающую лук. Не материальный — сотканный из связей, из пульсаций, из самой ткани Стикса. Я поднял руку, и между пальцами замерцал сгусток света — полупрозрачный, похожий на дрожащую каплю ртути.

— Что это? — прошептала Ласка.

— Стрела, — ответил я. — Призрачная стрела.

Я не целился в привычном смысле. Я просто направил конец "лука" в сторону склада, туда, где пульсировало багровое свечение зомби. И отпустил.

Сгусток сорвался с руки с тихим свистом — не громче ветра. Прошил воздух, стену склада (не пробил — прошел сквозь, как сквозь туман) и вонзился в цель.

Изнутри раздался крик — нечеловеческий, составленный из тысяч голосов, мужских, женских, детских. Крик боли. Крик умирающего. А потом — тишина.

Багровое свечение погасло.

— Что ты сделал? — Док смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Убил его. — Я опустил руку. Нити внутри меня успокоились, свернулись в плотный клубок. Я чувствовал слабость, головокружение. Такая "стрела" стоила мне многих сил. — Зомби мертв.

— Ты... ты убил зомби из ниоткуда, — Ласка покачала головой. — Это невозможно.

— Я же говорил, — усмехнулся я. — Я строю мосты. Даже там, где их быть не может.

Мы зашли на склад. Зомби лежал на полу, скрючившись, — серая, сморщенная фигура с пустыми глазницами и разинутым ртом. На груди — аккуратное отверстие, словно от иглы, и вокруг него — почерневшие нити, которые сворачивались и рассыпались в прах.

— Призрачный лук, — сказал Шрам тихо. — Я слышал о таком. Только легенды. Колдуну из старых стабов могли создавать оружие из чистой силы.

— Я не колдун, — ответил я. — Я инженер.

— Какая разница? — Док похлопал меня по плечу, впервые проявив что-то похожее на уважение. — Главное — работает. Добро пожаловать в отряд, Артем. Теперь ты не новичок.

Я кивнул, но радости не чувствовал.

Потому что в тот момент, когда "стрела" коснулась зомби, я увидел то, чего не видела Ласка своей сенсорикой. То, что видел только я — через нити.

Зомби не умер окончательно. Его сознание — или то, что осталось от сознания — перетекло по нитям в кого-то другого. В кого-то далеко отсюда, за многие кластеры. В кого-то большого и страшного.

Скреббер.

Я связал себя с ним в тот момент. Наши нити пересеклись — и теперь монстр знал обо мне. Знал, кто я. Знал, где я. Знал, что однажды я приду за ним.

Или он придет за мной.

Я промолчал об этом. Не время. Не место. Пусть остальные радуются победе. А я буду готовиться к охоте, к самой главной охоте в моей жизни.

Охоте на белый жемчуг.

Конец первой части.

Глава четвертая. Перезагрузка

Тишина после убийства зомби длилась недолго.

Не прошло и трех дней, как кластер, в котором мы базировались, начал умирать.

Сначала я заметил это по нитям. Они истончились, поблекли, словно кто-то выкрутил яркость мира. Золотые пульсации стали серыми, багровые — черными. Даже воздух изменился — сделался тяжелым, с металлическим привкусом, как перед грозой, которая никогда не разразится.

— Что происходит? — спросил я Ласку.

Она стояла на крыше нашего убежища, вглядываясь в горизонт. Ее сенсорика, обычно острая на сотню метров, сейчас давала сбои — она морщилась, терла виски, будто пыталась поймать радиоволну сквозь помехи.

— Не знаю, — ответила она. — Живых становится меньше. Мутанты... исчезают. Не уходят — именно исчезают. Я их чувствую, а через секунду — нет. Как будто они проваливаются в никуда.

Я закрыл глаза и потянулся нитями к фундаменту кластера.

Он был похож на здание — это сравнение пришло само собой, потому что я всю жизнь строил здания. Кластер — это конструкция, сотканная из миллиардов нитей, соединенных в узлах-сплетениях, поддерживаемая изнутри энергией, которую выделяют жемчужины в телах зараженных. Каждый мутант, каждый иммунный — это не просто живое существо, это опора. Столб, на котором держится потолок этого безумного мира.

А сейчас столбы вынимали.

— Кластер перезагружается, — сказал я вслух, и сам удивился своим словам.

— Что?

— Перезагрузка. Как компьютер. Стикс... он обновляет территорию. Стирает старые данные, записывает новые. — Я открыл глаза, посмотрел на Ласку. — Ты говорила, что кластеры иногда "прилетают" — куски городов, ферм, военных баз. Откуда они берутся?

— Из других миров, — пожала она плечами. — Никто не знает.

— А я знаю. Они берутся из перезагрузки. Стикс уничтожает старый кластер — сжигает его нити, превращает в сырье — и на его месте создает новый. Из фрагментов миров, которые он поглотил раньше. Это цикл. И мы сейчас в центре этого цикла.

Ласка побледнела:

— Значит, нас тоже сотрут?

— Не знаю. — Я потерял переносицу. Нити внутри меня пульсировали тревожно, предупреждая об опасности. — Может, иммунные остаются. Мы — часть системы. Вирус нас не убивает, а встраивает. Возможно, нас перенесет в новый кластер вместе с обновлением. А возможно...

— Что?

— Возможно, мы останемся здесь, в пустоте. Между нитями. Там, где нет ни времени, ни пространства.

Я не договорил. Не хотел ее пугать. Но сам уже знал ответ: перезагрузка не щадит никого. Ни мутантов, ни иммунных. Только те, кто достаточно силен, чтобы удержать свои нити от распада, могут пережить обновление.

— Надо уходить, — сказал я. — Прямо сейчас.

— Куда? Док...

— Док будет упираться. Он не захочет бросать базу. Скажи ему, что это приказ не мой — приказ нитей. Или я сам скажу, но тогда он меня не послушает.

Ласка ушла. А я остался на крыше, наблюдая, как мир вокруг меня теряет цвета.

Нити кластера рвались одна за другой.

Док согласился, когда я показал ему. Свои нити.

Я приоткрыл рукав куртки, и командир увидел, как под кожей пульсируют светящиеся волокна — золотые, багровые, серебряные. Я заставил их выйти наружу — тонкие щупальца, тянущиеся от моих пальцев к воздуху, к стенам, к оружию в руках Дока.

— Ты кто? — спросил он, отступая на шаг. Не испуганно — с опаской. Осторожностью старого зверя, который чувствует запах более сильного хищника.

— Я инженер, — повторил я в сотый раз. — И я вижу то, что вы не видите. Кластер умирает. У нас есть, может быть, день, чтобы уйти в другой сектор. Дальше на восток, за реку.

— Там скреббер, — напомнил Шрам.

— Скреббер — единственный, кто может пережить перезагрузку. Его нити толще, чем у всего этого кластера вместе взятого. Он впитает энергию смерти и станет еще сильнее. А мы — если останемся — станем частью его обеда.

— Значит, идем к скребберу? — усмехнулся Шрам. — Лучший план, который я слышал за всю свою никчемную жизнь.

— Идем не к нему. Идем через его территорию. Пока он жрет старый кластер, у нас есть шанс проскочить.

Док принял решение:

— Собираемся. Берем только оружие, жемчуг, споры. Все остальное — бросить.

Мы двинулись через час. Двенадцать человек — весь отряд. Сзади оставались ящики с консервами, бочки с водой, запасные магазины. Все, что копилось месяцами. В Стиксе имущество — это вес. Вес, который тянет на дно.

Я шел первым, раздвигая нити умирающего кластера, как заросли кустарника. Они рвались под моими руками, рассыпались в прах, и каждый раз это сопровождалось тихим, едва слышимым стоном. Боль мира. Боль Стикса.

Мы шли на восток.

Глава пятая. Пути Орды

Мы добрались до реки к вечеру.

Мост, соединявший наш умирающий кластер с территорией скреббера, выглядел целым — ржавые фермы, прогнившие доски настила, но конструкция держалась. Я провел по нитям моста пальцами, прислушиваясь к их вибрации. Держались. Еще несколько часов — потом рухнут вместе со всем остальным.

— Проходим быстро, по одному, — скомандовал Док. — Не бегом, шагом. Бег привлекает тварей.

Тварей не было. Я смотрел на восточный берег и не видел там ничего — ни пульсаций мутантов, ни следов иммунных. Пусто. Словно выжженная земля.

— Где они? — спросила Ласка тихо.

— Ждут, — ответил я. — Скреббер загнал всех в укрытия. Он знает, что мы идем.

— Откуда?

— Зомби, которого я убил. Он передал скребберу информацию. Обо мне. О моем луке. О нас всех.

— Зомби не могут передавать, — возразила Ласка. — Это просто... жалкие остатки. Осколки.

— Ты не видишь нити, — сказал я. — А я вижу. Зомби — это не просто остатки. Это антенны. Усилители сигнала. Когда я убил его, я не разорвал связь — я сделал ее сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.